

Дорогие коллеги!

Тема семейного чтения для нашего журнала новая. У нас почти не было подобных материалов. И тем более ценно для нас, что тема семейного чтения прозвучит на страницах журнала совершенно в новом аспекте, основанном на большом исследовательском материале: использован антропологический подход «как совокупность устойчивых ритуалов и практик, объединенных предметным, темпоральным и пространственным компонентом. Книга как артефакт связывает членов семьи, ее хранят в семейной библиотеке, ее передают из поколения в поколение, равно так же, как передаются повседневные практики чтения: чтение на ночь детям или вслух фрагменты из газет/интернета за общим столом».

Сегодня наш Спецпроект о книгах, о которых авторы статей говорят: «...у многих есть книги, пусть не старинные, но такие, вокруг которых выстраивается семейная память и семейная история».

С.Г. Маслинская пишет:

«На данный момент качественно новые результаты исследований чтения могут дать именно антропологические подходы, которые ориентированы на изучение повседневных практик. Практик, которые воспроизводятся из поколения в поколения при наличии прямой преемственности или в ее отсутствие. Это не количество прочитанных книг и даже не регулярность чтения, и уж тем более не скорость чтения (сколько книг ты прочел в этом месяце?), и не состав: антропологов чтения занимает прежде всего вопрос – как читают и как читали. И при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти практики весьма устойчивы и совершенно не собираются уходить в прошлое. Они продуктивны и воспроизводятся с завидной частотой независимо от возраста читателя».

Авторы Нонна Васильевна Курова и Наталья Владимировна Буянова рассказывают об исследовании так:

«До момента исследования многие из нас не задумывались и не знали, что у них в семье есть особенные книги. Книги, способные протянуть невидимую (или непроявленную) нить событий через несколько поколений одной семьи. Показать взаимосвязи разных судеб, мнений, чувств и эмоций. Хранить на страницах следы взглядов прабабушки или прадедушки, мамы или папы. Откуда берутся подобные реликвии? Как они становятся семейной ценностью? Почему не у всех хранятся подобные фолианты? Тема исследования оказалась невероятно интригующей и познавательной. Ведь порой самая обыкновенная книга может хранить в себе память нескольких поколений, становится хранилищем удивительных и уникальных историй».

На вопрос «для чего нам это нужно?» отвечает Т.Г. Западова:

«...Мы ищем ключи к пониманию нашей аудитории, нового поколения читателей. Ситуация читательского развития меняется, и мы должны понимать, как действовать сегодня в этой ситуации. Почему один ребенок просит эту книгу, а другой – другую, а третий вообще не просит и стоит “в очередь на компьютер”. В какой момент ребенок “уходит” от книги в сеть, не ошибаемся ли мы, твердя заезженную аксиому, что дети не читают. В процессе исследования, особенно второго его этапа, мы видим, что существуют реальные семейные книжные практики, которые должны знать и учитывать профессиональные экспертные сообщества – учителя, библиотекари, – когда они пытаются “встроиться” в систему детского мира, советовать, учить, направлять, оценивать ребенка, его отношение к книге и чтению, в том числе». И далее: «Ответив на эти вопросы, мы, возможно, найдем новые пути привлечения к чтению, из точки доступа к книге превратимся в путеводителей к книге, поймем, как грамотно использовать свои ресурсы, как преобразовать библиотечную среду для того, чтобы в ней “разместить” традиционное семейное чтение».

Редакция журнала выражает искреннюю признательность всем авторам и Светлане Геннадьевне Маслинской за возможность публикации этих интереснейших статей!

Светлана Геннадьевна Маслинская, кандидат филологических наук, зав. сектором исследования детского чтения ЛОДБ, ст. научный сотрудник Центра исследований детской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Антропология семейного чтения: исследовательские перспективы

Проект по изучению семейного чтения был инициирован Ленинградской областной детской библиотекой и Центром исследований детской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в 2015 году.

В основе этого исследования лежит твердое убеждение, что изолированное изучение читателя, которое ведется у нас в последние десятилетия исследователями чтения, не дает серьезных результатов. Педагоги и социологи чтения старательно подбирают под догмат «как хорошо уметь читать» аргументы и факты. Обычно это формулируется следующим образом: «мы посчитали и узнали, что читать стали меньше», «мы провели анкетный опрос и узнали, что классику не читают/читают», «мы сравнили продажи тиражей и узнали, что Чуковского читают, а Маяковского не читают». Как правило, используются количественные подсчеты того, кто сколько и каких книг читает, как часто посещает библиотеку и книжный магазин и т. п. Все педагогические и социологические исследования чтения в конечном итоге сводятся к ламентациям, что дети читают все меньше и меньше или не то и без должного рвения.

Количественные данные так всех угнетают, что задуматься о качестве чтения, его устойчивости и непрерывности, о том, что оно может быть другим, чем мы его себе представляем, мало кому приходит в голову.

Попробую наметить отдельные проблемы, которые нуждаются в осмыслении и разрешении. Эти проблемы связаны с дисциплинарными рамками, в которых обычно изучается чтение. У педагогов они одни. У социологов – другие.

Когда педагоги начинают изучать чтение, они уже заранее знают, что хорошо и что плохо. Хорошо – читать, плохо – читать мало и не то. И тут несущественно даже, что отдельные прогрессивные педагоги и психологи допускают возможность чтения «легкомысленной жанровой литературы» или, напротив, они «за классику и только классику». Тут важны сами установки: мы одобряем / не одобряем. В этом случае все исследования сводятся к самопрезентации педагогической системы ценностей, а не изучению реального чтения. Педагогический нравоучительный дискурс практически наверняка исключает реального ребенка (и его семью) из зоны видимости. У детей будут, соответственно, спрашивать: А тебе нравится «Сахарный ребенок»? Чем? Или ты любишь читать сказки? А какие? И на ТАК поставленные вопросы – мы получаем запрограммированные ответы. Дети

часто озвучивают то, что мы хотим услышать, – они в школе учатся и знают правила игры. Вообще, искусство поставить вопрос так, чтобы у ребенка не было выбора – это особое педагогическое искусство. Педагоги не спрашивают, читаете ли вы под одеялом с фонариком, они спрашивают: вы читаете Пушкина или Достоевского? Крапивина или Веркина? Толстого или Рудашевского?

И даже если библиотечные специалисты изредка обращаются к изучению семейного чтения, то они остаются в плену абстрактного теоретизирования: «как хорошо вместе читать, это очень полезно для семьи».

У социологов чтения своя специфика сбора данных. Все измерения, как правило, корректные: пол, возраст, образование. Релевантное количество опрашиваемых: не 20 и не 100 человек. А тысячи. Только после построения такой выборки социолог приступает к опросу. Что это за опрос? Анкетирование, письменное. Даже если анкета составлена корректно, что крайне сложно сделать применительно к опыту чтения, то какая структура у этой анкеты? Закрытая – когда на вопрос есть варианты ответов. В этом случае ребенок – в заложниках. Вы видели детей, которые способны ответить что-нибудь внятное в разделе «другое» («предложите свой вариант ответа»), да и взрослых та-

ких по пальцам можно пересчитать. У открытой анкеты – проблемы другие. Что Вы любите читать? Ребенок должен ответить на такой вопрос письменно (!), членораздельно и желательными пространственными высказываниями (как пишут составители анкет – обоснуйте свою точку зрения!). И что мы получаем? В лучшем случае названия произведений. И даже если мы спросим «почему?» – то мы получим в ответ «потому что интересно». Исчерпывающий ответ. Дело в том, что ребенка вообще нет смысла письменно анкетировать. Он не поддается на письменное анкетирование, которое требует навыков сформированной письменной речи как минимум, а как максимум расслабленности и уверенности в своей позиции. Ответы на анкетные вопросы оказываются очень грубым слепком с картины чтения современного ребенка. Мы можем посчитать, как часто дети берут на досуге книгу в руки, можем узнать, какую книгу ребенок читает сейчас, но результаты анкеты дают в лучшем случае обобщенный срез (в чем могли убедиться участники нашего проекта), ту самую среднюю температуру по больнице. Это немало, но этого недостаточно.

Конечно, есть в этом ряду исследований и исключения, но тем не менее у нас на данный момент нет ясной картины, что представляют из себя читательские традиции в России. И термин

«традиция» здесь понимается не в обывательском значении («то, что было давно»), а в антропологическом – как совокупность устойчивых ритуалов и практик, объединенных предметным, темпоральным и пространственным компонентом. Книга как артефакт связывает членов семьи, ее хранят в семейной библиотеке, ее передают из поколения в поколение, равно так же, как передаются повседневные практики чтения: чтение на ночь детям или вслух фрагментов из газет/интернета за общим столом.

Заметим, что «семейное чтение» как объект педагогического интереса не нов, однако существуют только отдельные исторические работы о семейном чтении в различных условиях (на давнем историческом материале) или о чтении в семьях будущих классиков. Примечательны названия статей о семейном чтении: «Семейное чтение в России: в поисках утраченных традиций». Почему утраченных, если они авторами не изучены и оснований для такого утверждения попросту нет? Авторы заявляют, не утруждая себя аргументами: «Сейчас, на наш взгляд, скорее, стоит говорить об утрате традиции семейного чтения: чтения в кругу семьи, вслух, с обсуждением прочитанного всей семьей». Наши исследования этот тезис опровергают. Это парадоксально: изучать традиции семейного чтения в России в XIX веке, но совер-

шенно не иметь никакого представления о том, как развивались эти традиции в последние 50 лет. И предлагать их возрождать...

На данный момент качественно новые результаты исследований чтения могут дать именно антропологические подходы, которые ориентированы на изучение повседневных практик. Практик, которые воспроизводятся из поколения в поколение при наличии прямой преемственности или в ее отсутствие. Это не количество прочитанных книг, и даже не регулярность чтения, и уж тем более не скорость чтения (сколько книг ты прочел в этом месяце?), и не состав: антропологов чтения занимает прежде всего вопрос – как читают и как читали. И при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти практики весьма устойчивы и совершенно не собираются уходить в прошлое. Они продуктивны и воспроизводятся с завидной частотой независимо от возраста читателя.

Эти практики можно обнаружить только одним методом исследования, до сегодняшнего дня практически не использовавшимся применительно к детскому чтению, – антропологическим.

Что могут дать антропологические подходы к прояснению этих практик?

Антрополог чтения не пытается поставить диагноз и уж тем более предложить лечение. Он не озабочен тем, чтобы выяснить, какой же был/есть круг чтения информанта: перечислите поименно, что называется. Его интересует, как читает или не читает человек, как расставлены у него книги на книжном стеллаже и какую книгу ему подарила мама в день 16-летия. Потому что объектом исследования является человек, а не спрос и книговыдача. Антрополог интересуется традицией чтения. Преемственностью или разрывами. Нам интересно, как передается / или не передается традиция. Из поколения в поколение? Или через поколение? Поэтому мы говорим о семейном, а не просто детском чтении. Чтобы понять, почему и как читает или не читает ребенок, нам надо понять, как читают его родители и бабушки-дедушки. Надо осмыслить и женскую, и мужскую линию передачи читательского опыта. Столовое серебро передается по женской линии, а книги? Поэтому мы спрашиваем: чьи книги в Вашей библиотеке? Вы сами кому передаете – дочери или сыну? А может быть, невестке? Все эти вопросы надо задавать всей семье.

И последняя особенность антропологического изучения чтения: оно принципиально открыто: у нас есть набор опорных вопросов, которые мы хотим задать. Но в процессе интервью возникают естественные, спонтанные

вопросы, которые невозможно предусмотреть в исходном вопроснике. Вопросы могут быть самые неожиданные, это вопросы простого любопытства. Именно они дают интереснейшие результаты. В пределе, антропологическое неспешное интервьюирование надо проводить с одним и тем же человеком. Время от времени, чтобы наблюдать, как он меняется. И как меняются его сверстники. Или не меняются. И вот тогда мы получим действительно полную картину и сможем сказать, как устроена традиция чтения в России. И как с ней работать библиотекарям.

Наш исследовательский проект развивается уже четвертый год. Поначалу в нем участвовали четыре детских библиотеки Ленинградской области: г. Тихвина (Центральная детская библиотека МУ «Тихвинская централизованная библиотечная система»), г. Сланцы (Сланцевская центральная городская детская библиотека), пос. Вырица (Вырицкая детская библиотека-филиал) и г. Бокситогорска («Бокситогорская центральная детская библиотека»). На втором этапе нашего проекта он стал международным: к исследованиям подключились коллеги из детских библиотек Казахстана (Централизованная библиотечная система Уланского района; КГУ Восточно-Казахстанская областная детско-юношеская библиотека; Октябрьская сельская библиотека; Верх-Убинская сельская библиотека; Шемонаихинская центральная районная библиотека; Шемонаихинская районная детская библиотека; Усть-Таловская сельская библиотека; Глубоковская Центральная районная библиотека; Восточно-Казахстанская областная библиотека имени А.С. Пушкина; Камышинская сельская библиотека).

Было проведено несколько профессиональных встреч, на которых участники проекта представляли результаты и обсуждали методологические проблемы, неизбежно возникающие, когда к чтению применяются новые методики анализа. В октябре 2016 года в ЛОДБ прошла международная конференция «Антропология семейного чтения. Поле книжных рефлексий» (http://www.deti.spb.ru/addresses/lodb/antropolog_2016/antropol_prog), в которой приняли участие ученые из России, Франции и Казахстана. В мае 2017 года на XII Санкт-Петербургском международном книжном салоне состоялся круглый стол «Книжные истории семьи», на котором были представлены результаты изучения книжных традиций одной семьи на протяжении нескольких поколений. Прак-

тическим вопросам применения полученных результатов был посвящен семинар «Антропология семейного чтения как опыт исследования и практики библиотекаря», прошедший в июне 2017 года в Вырице (Гатчинский р-н Ленинградской области). К методологическим проблемам антропологического изучения чтения обратились участники круглого стола «Почему и как: детское чтение в пространстве повседневности», прошедшего в декабре 2017 года в МГПИУ.

Сейчас, на третьем этапе проекта, основная исследовательская тема – «Книга в чтении поколений». Книга понимается как поколенческий медиатор. С одной стороны, мы изучаем книгу как артефакт поколенческой памяти: как книга, входившая в круг чтения одного поколения, перешла в другое, но уже не встречается в третьем (например, «Как закалялась сталь» связывает прабабушек и бабушек, но уже практически не встречается в круге чтения тех, кто родился в 1990-е и позднее). Мы обнаруживаем связи на уровне единства возрастной группы, объединенной историческими обстоятельствами, но уже не семейными узами. Вторым аспектом исследования стало изучение межпоколенческой трансмиссии героев, сюжетов, авторов, чтобы ответить на вопрос, какое содержание прочитанных книг наследуется и в каких формах: играют ли современные дети в «Трех мушкетеров» или в «Сто лет тому вперед», иначе говоря, какие герои связывают поколения, а какие уже утратили эту функцию. Стоит ли их воскрешать? Или надо искать способы знакомить старшее поколение с героями нынешних книг? Вопросов много, поиск ответов продолжается.

Татьяна Геннадьевна Западова,
заведующая Центральной детской
библиотекой муниципального
учреждения «Тихвинская
централизованная библиотечная
система» (МУ «ТЦБС»)

Семейные традиции чтения: взгляд из Тихвина

В проекте «Антропология семейного чтения» Тихвинская центральная детская библиотека участвует с самого начала с 2015 года. Пока мы – единственная из библиотек Тихвина и Тихвинского района, которая занимается такой исследовательской деятельностью. Библиотекари осознают значимость этого проекта.

Для чего нам это нужно?

Во-первых, мы ищем ключи к пониманию нашей аудитории, нового поколения читателей. Ситуация читательского развития меняется, и мы должны понимать, как действовать сегодня в этой ситуации. Почему один ребенок просит эту книгу, а другой – другую, а третий вообще не просит и стоит «в очередь на компьютер». В какой момент ребенок «уходит» от книги в сеть, не ошибаемся ли мы, твердя заезженную аксиому, что дети не читают. В процессе исследования, особенно второго его этапа, мы видим, что существуют реальные семейные книжные практики, которые должны знать и учитывать профессиональные экспертные сообщества – учителя, библиотекари, – когда они пытаются «встроиться» в систему детского мира, советовать, учить, направлять, оценивать ребенка, его отношение к книге и чтению в том числе.

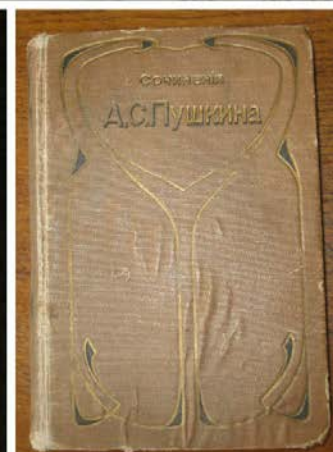
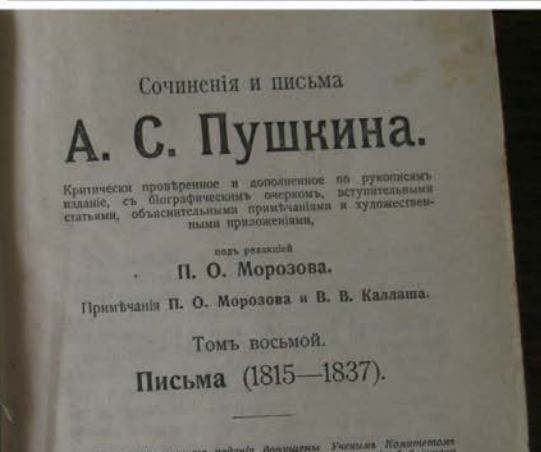
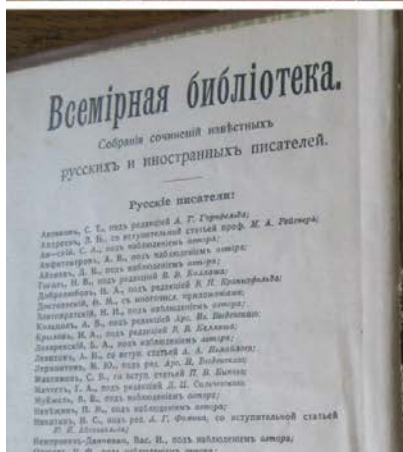
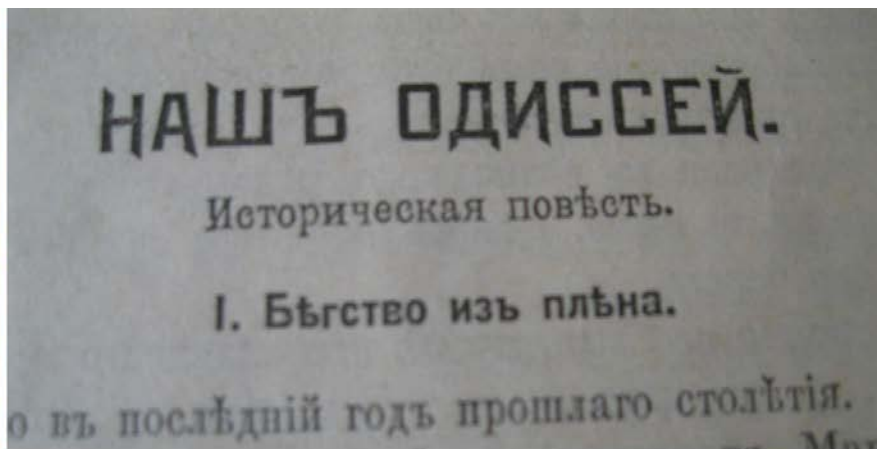
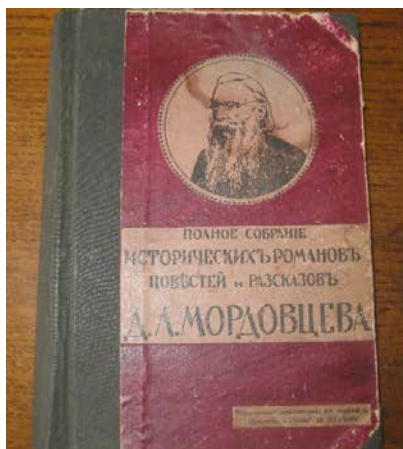
В процессе исследования установлено, что транслятором культуры, чтения в семье сегодня является старшее поколение – бабушки и дедушки, а ребенок – посредник между ними и родителями. С одной стороны, сформированные ритуалы и стойкие практики чтения. С другой – современные дети, которые вносят новое, которые находятся в пространстве современного содержания новой детской литературы, чтение которых меняется в эпоху новых технологий. Меняются их читательские пристрастия и привычки, предпочтения и восприятие книжной культуры. Чтобы понять, из чего состоит детская жизнь, как научиться «считывать» их чувства, как они относятся к чтению и книге, надо понять, как взрослые взаимодействуют с книжным миром, что происходит с чтением в семье. Для этого мы идем в семью. Ответив на эти вопросы, мы, возможно, найдем новые пути привлечения к чтению, из точки доступа к книге превратимся в путеводителей к книге, пойдем, как грамотно использовать свои ресурсы, как преобразовать библиотечную среду для того, чтобы в ней «разместить» традиционное семейное чтение.

Во-вторых, участие в такой исследовательской деятельности необходимо нам для повышения нашего профессионализма

и статуса библиотекарей. Мы любим «оценивать» своих читателей, их читательский опыт, поведение, вкусовые пристрастия, но не можем часто адекватно оценить свои профессиональные качества и ресурсы, свое библиотечное сознание: соответствует ли оно меняющейся ситуации, каким набором профессиональных качеств мы сами обладаем, как мы формулируем свои мысли, какое поведение демонстрируем мы читателю. Инструментарием библиотекаря в этом исследовании является форма нарративного интервью, в основе которого лежит индивидуальность и камерность, которая изначально требует от библиотекаря огромного такта, искренности, неподдельного интереса к собеседнику, умения слушать и услышать, расположить к себе собеседника, чтобы он доверился интервьюеру и началась работа памяти. Мы учимся брать такое интервью, это не так просто, и с первого раза у нас не всегда получалось.

В-третьих, участие в таком исследовании – это возможность для любой библиотеки заявить статус на локальном уровне. Участники исследования изучают читательский опыт своего локального сообщества, в нашем случае – Тихвина, насколько читательские практики нашей местности уникальны или расходятся в сравнении с другими местностями Ленинградской области. Работа библиотекаря основана на живом и неподдельном интересе к семье, в которую он входит не просто как книгоноша, а как исследователь, стремящийся получить знание, которое откроет понимание ценностей семьи, ее читательского опыта. В центре изучения – не книга, а читающий человек – как он читает, как поколениями передается опыт чтения, какие сюжеты и драмы разворачиваются в семейных книжных историях. Бесценные материалы, собранные в процессе исследования, сохраняются в библиотеке, которая явится средоточием людской памяти.

В библиотеке родителей дореволюционные издания Пушкина и Мордовцева, 1914 г.

В машине папа всегда возит книгу. Во время остановок читает себе или пассажирам

В 2017 году основной фокус изучения был сосредоточен на выявлении традиций одной тихвинской семьи. На примере читательской истории только одной семьи мы смогли очень многое узнать о культуре книги и чтения, о традициях, ритуалах и семейной книжной практике, как несколько поколений транслирует культуру и отношение к книге и чтению.

Хочу представить семью, наиболее интересную в плане полученного материала.

Интервью было взято у шести членов семьи: у бабушки Ольги Ивановны 65 лет и дедушки Олега Михайловича 67 лет; у двух дочерей: Татьяны 40 и Оксаны 44 лет; у их детей – мальчиков Вени 9 и Гриши 14 лет. Семья не является коренной тихвинской семьей, родители приехали в Тихвин в 1970-е годы по распределению после окончания Тульского Политехнического института. Таких приезжих семей в городе очень много, в эти годы строился филиал Кировского завода – «Трансмаш», для молодых семей город был перспективным в плане работы и жилья. По материнской линии родители остались в Ростовской области, по отцовской – в Тульской. По отцовской линии дедушка-фронтовик был учителем физики и математики и директором поселковой школы. По материнской линии – дедушка-фронтовик окончил университет с красным дипломом с правом преподавания в университетах страны, физик-математик. Бабушка работала учителем литературы и русского языка. Сегодня одна из дочерей – библиотекарь, вторая – психолог в детском саду. Родители оба – инженеры.

Изучая отдельно взятую семью как сообщество читающих людей, мы смогли проследить:

Как создавались семейные библиотеки, что с ними происходило в момент переездов, какие книги и от кого к кому переходили, как наследовались семейные библиотеки

Обе дочери вспоминают, что у бабушки с дедушкой была «богате́йшая библиотека» (особенно в Тульской области), большую часть которой составляла классическая русская литература и собрания сочинений, как русских, так и зарубежных авторов. В библиотеке были и детская, и большая советская энциклопедии. Сегодня у родителей в Тихвине хранятся очень многие книги из этой библиотеки, которые принадлежали бабушке и дедушке.

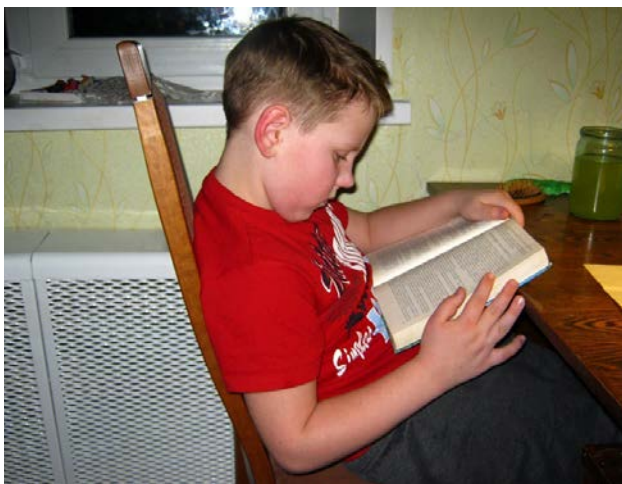
Татьяна, 40 лет: «Бабушка сама дарила. Это – папина мама. Она многотомники отдавала. У нас и взрослая, и детская библиотека очень богатая».

Оксана, 44 года: «Я забрала большую часть книг, которую я как бы считаю своими – библиотеку поэзии. Я собирала ее с молодости, и бабушка мне тоже дарила много, и родители дарили много, зная, что я это люблю. Соответственно – вся поэзия “переехала” ко мне, ну и кое-что из школьной классики».

Татьяна, 40 лет: «От родителей мы детскую библиотеку забрали. Что-то есть дома, но, в основном, вся библиотека у родителей, у нас – детская и подростковая, юношеская. Не то, что – забирала. Я просто спрашивала у мамы взять почитать, мама, конечно, всегда давала. Если я беру что-то почитать у родителей, потом стараюсь им отдать. Я просто знаю, что библи-

Дореволюционные издания А.С. Пушкина

Гриша сама себе читает постоянно лет с пяти

отека у родителей – это святое, и все. Как-то мы привыкли, что книги все эти у них хранятся, поэтому у себя дома такую библиотеку я, например, не вижу смысла держать. Если надо, я возьму у них».

Какие коллекции, книги-реликвии хранятся в семейных библиотеках, от кого и кому они передаются, что под книгой-реликвией понимают дети

Помимо книг с дарственными надписями, которые в семьях хранят, среди ценных книг в библиотеках члены семьи называли следующие издания:

– книгу Н. Некрасова 1931 г. издания, которая хранится у старшего поколения

Оксана, 44 года: «Хранится у родителей, она через ять, в состоянии очень ветхом, я запомнила с детства, что я ее с каким-то особенным чувством читала, там даже какие-то вещи попадались, которые мне не попадались в других современных изданиях. Я помню поэму “Баба Яга”, такая страшная, я ее читала, было жутко».

– поваренные книги

Оксана, 44 года: «Дома лежит поваренная книга Сережиной матери (мужа – Т.З.), такая толстая, старая. У родителей лежит пара книг, двухтомник какой-то 1950-х годов, от моей бабушки. “Детское питание”? Я даже вот эти иллюстрации помню, у меня перед глазами вот этот стиль – эти юбки колокольчиками, и детки с нагрудничками и бантиками».

– собрание исторических романов Д. Мордовцева

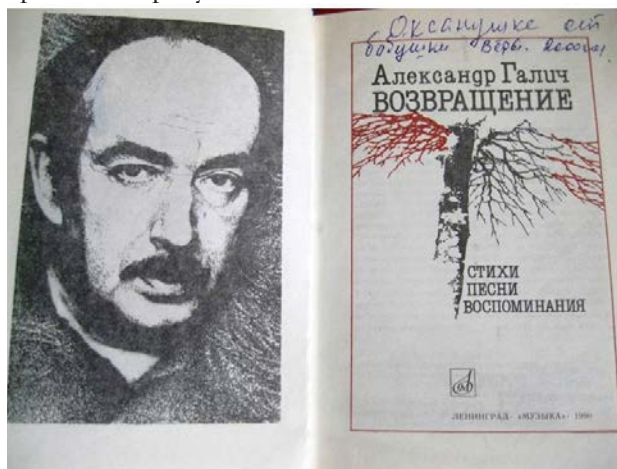
– сочинения А.С. Пушкина
– книжки, которые дети называли реликвиями

Гриша, 14 лет: «“Сипсик” есть книжка, там – про куклу. Старая-старая книжка. И еще – про поросенка Плюха, тоже очень старая».

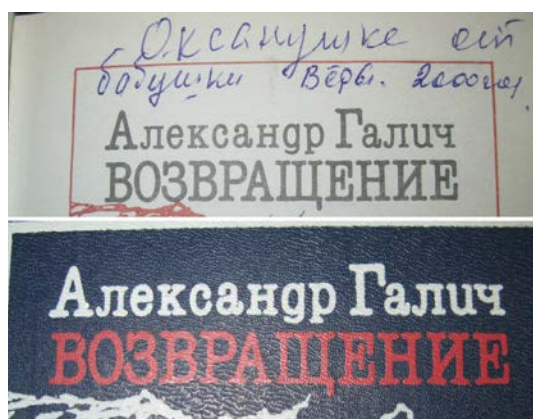
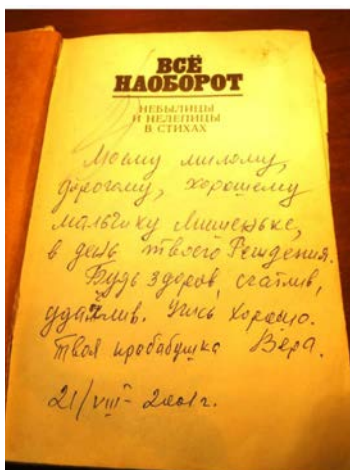
Как сегодня пополняются и сохраняются библиотеки, какие книги, серии, кем, как и где приобретаются сегодня, как книги «уходят» из семейной библиотеки

Гриша, 14 лет (сын Татьяны): «Мама дарит книги на каждый день рождения. Вот недавно так всю коллекцию “Гарри Поттера” собрал. Бабушка с дедушкой летом Майн Рида подарили».

В семье существует традиция дарения книг, которую создало старшее поколение. На книгах присутствуют дарственные надписи. Подаренные книги пополняют семейные библиотеки, а для некоторых членов семьи, например, для сына Татьяны – Гриши (мальчик 14 лет) – являются ядром. Члены семьи внимательно относятся к выбору книги в качестве подарка, предварительно интересуются, например, у старшего поколения – какой книге будут рады, т.к. родители – взыскательные читатели. Дочь Татьяна говорит о вкусе и разборчивости сына Гриши в чтении, т.к. подросток равнодушен к нашумевшим «хитовым» подростковым книгам, например, «ужастикам». Также старшее поколение знает, какие серии или какого автора «собирают» дети и внуки, и помогают искать и пополнять серию (например, ищут недостающие в серии книги В. Крапивина Грише 14 лет). Книги с дарственными надписями в семьях хранят и берегут.

Дарственная надпись

Книги с дарственными надписями

Какие читательские традиции существуют в семье – чтение вслух, наизусть (в том числе, больших поэтических текстов), на ночь, разговоры, ситуации обсуждения книг, переданная от старшего поколения любовь к классике и поэзии

Оксана, 44 года: «Родители читают постоянно. Папа с книгой не расстается. Если везет меня куда-нибудь в машине, перед тем, как тронуться: “Оксана, давай я тебе «Медного всадника» прочитаю». Начинает мне читать, цитировать. “Онегина” наизусть целыми кусками цитировал. Бабушка, не помню, чтобы читала вслух, но она много наизусть читала стихов. Я в нее, наверно, пошла, очень поэзией увлекаюсь. Это бабушка по папиной линии, она была медсестра обычная, но вот у нее была

страсть к поэзии, и она наизусть знала целые поэмы».

Веня, 9 лет (сын Оксаны): «Мама мне читает. Днем может почитать, и перед сном. Я прошу».

Кем заложена, по какой линии передается читательская традиция в семье – по женской или по мужской, кто сегодня является авторитетным читателем в семье и по какой причине

Читательская традиция заложена в семье старшим поколением и передается больше по женской линии, хотя в семье читали и мужчины, и женщины. Одна из прабабушек за страсть к чтению «от своего муженька даже получала». Олег Михайлович вспоминает свою бабушку и говорит о том, что в его воспитании она сыграла решающую роль.

Олег Михайлович (67 лет): «Вечером мы частенько с братом – у нас разница полтора года – пели песни, а мама нам традиционно что-то читала».

Дочерей (Оксану и Татьяну) научил читать отец – Олег Михайлович. Дочери своих детей научили читать сами.

Гриша, 14 лет (сын Татьяны): «Мама читает. Они с братом читают по вечерам, а я – присоединяюсь. Раньше просил ее постоянно читать. Помню, залезу к маме на коленки и начинаю: «Мама, почитай, почитай... И бабушка читает. Они с дедушкой вслух друг другу читают. Еще ей дедушка стихи читает».

Олег Михайлович сегодня читает дочерям целые куски поэтических произведений наизусть.

Трилогия Л.Н. Толстого с дарственной надписью

зують. Сегодня он является самым авторитетным читателем в семье.

Татьяна, 40 лет: «Папа читает много, больше, наверно, чем мама. Он, между прочим, любит маме вслух читать. Мне начнет читать – либо главу какую из книги, либо выдержки. В детстве нам с сестрой папа читал. Мы вместе слушали, когда ей читали книжки уже для какого-то ее возраста, я все равно присутствовала, слушала, хотя на 4 года младше, мне нрави-

лось, и папа нам всегда в детстве читал. Мама не читала, она больше хозяйственными делами занималась. Он до сих пор маме читает. И детям. Когда мы у них в гостях и остаемся ночевать, перед сном – обязательно».

Как берегутся и сохраняются книги с дарственными надписями, как относятся в семье к книгам в качестве подарка

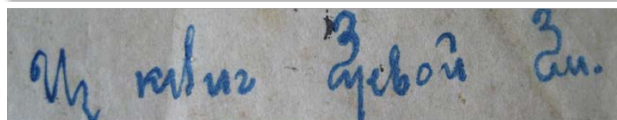
Оксана, 44 года: «У меня есть трехтомник Л. Толстого “Детство. Отрочество. Юность”, который подарил мне дедушка в 6 лет, такое хорошее издание, причем, это издание тульское, “Ясная поляна”, подарочное издание в суперобложке. Там надпись, дословно не помню, но с какими-то личными напутствиями. Дедушка был директор поселковой школы, сам много читал, он не мог просто подписать, там какое-то напутствие. Еще есть сборник Омара Хайяма, который мне бабушка подписала. Тоже для меня дорого».

Большим переживанием для Олега Михайловича оказалась и до сих пор остается потеря книги Г. Бакланова “Мертвые сраму не имут” с дарственной надписью отца-фронтовика, подаренная ему на 16-летие. Дал почитать впоследствии своему товарищу по заводу, и тот не вернул.

Олег Михайлович (67 лет): «Я эту книгу не читал. Там на обложке было написано: “Сыну в день 16-летия. Впитывая все лучшее, что создано людьми в этом мире, и отбрасывая все пошлое, ненужное, никчемное, то, что тебя окружает. Твой папа”. Фронтовик он был. Он мне подписал, книга была мне дорога. Я дал ее почитать своему товарищу на заводе, книга ушла. Он говорит: я тебе ее вернул. Да не вернул он! Это была потеря».

Какие общие семейные переживания, связанные с книгами, помнятся и пересказываются в семье

Книги, воспоминания о ситуациях, связанных с книгами, являются источником общих семейных переживаний. Например, в семье Татьяны и мама, и сын хорошо помнят ситуацию, когда маленький сын в книге «Винни-Пух и все, все, все» исправлял названия глав, думая, что они написаны с ошибками. Порознь рассказывая в интервью о ситуации с книгой, оба смеялись. Общее воспоминание о детстве ребенка и его исправлениях книги связывает семью,

Полн. собр. соч. Н.А. Некрасова, 1931 г.

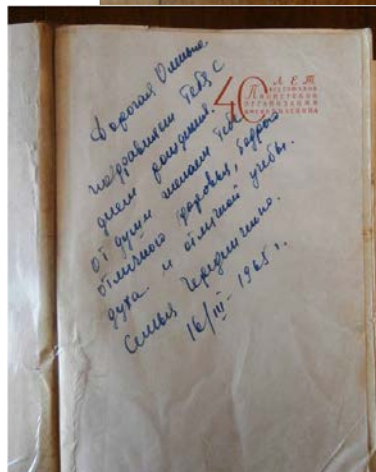
скрепляет общностью опыта. Книга сохраняется в семейной библиотеке. Олег Михайлович рассказывал своим детям и внукам историю из своего детства, когда испортил библиотечную книгу – любимого «Тома Сойера».

Олег Михайлович (67 лет): «Во 2–3-м классе я прочитал “Тома Сойера”, он меня захватил напрочь. Я был потрясен этой книгой. И вот эта любовная история его с Бекки Тетчер, выходили они из пещеры, я представлял себя на его месте, что я ничего не боюсь, что я ее спасаю. Жили мы в школе, у нас была квартира директорская прямо в здании школы, я поэтому опаздывал, звонок я слышал через стенку. Я помню, борщ какой-то на плите разогревался, я схватил кастрюлю, а он у меня сгорел, дым уже шел, я схватил эту кастрюлю и поставил прямо на книжку, “Тома Сойера”. Пока я бегал за тряпкой, она у меня выгорела. Я потом клейстером мазал, заклеивал, мне было так страшно нести ее сдавать в библиотеку. Но я заклеил и отнес. Это вот первые такие впечатления».

О существовании тайного языка среди друзей семьи способом цитирования книг, который понятен семейному окружению.

В окружении семьи у старшего поколения существуют друзья, которые любят читать и с которыми они любят общаться цитатами из книг.

Олег Михайлович (67 лет): «В моем окружении есть такой Валера Бондарев. Он простой парень, сварщик, но такие вещи иногда рассказывал. Он читал очень много. У меня

Р. Погодин. Книга подарена семьей будущей невестке

многие вещи не запоминаются, остаются на уровне эмоций. От книги от какой-то – или она потрясает, захватывает. А он запоминал многие вещи и рассказывал. А ребята на работе на заводе смеются: ну, Некрасов начал нам рассказывать. Мы с ним перезваниваемся постоянно, или эсэмэсочку какую-нибудь. Я ему напишу, например, какую-нибудь одну строчку: “Эх, масса, масса, и что ж тебе надобно, стерве такой, весь авангард, гадина, замутила» (смеется). Он уже понимает, что я ему – из Андрея Платонова пишу из «Котлована»».

Выводы, которые мы сделали, продвигаясь по нашему интересному исследовательскому пути:

Мы можем говорить о книге как о посреднике, как о средстве скрепления семьи. В рассказах информантов воспроизводится семейная культура отношения к чтению. Статус чтения на бытовом уровне воспринимается людьми естественно, он никуда не ушел. В новом поколении читателей воспроизводится наследование читательского поведения, навыки взаимодействия в книжном пространстве. У ребенка есть собственная система ценностей, с которой он входит в наш взрослый мир. Именно система семейных ценностей для многих детей является приоритетом, и нам нужно учитывать это и очень уважительно к этому относиться.

Мы чувствуем ответственность за новое поколение детей, за сохранность традиций и культуры, которую стремится успеть передать нам старшее поколение. Мы надеемся, что коллеги из взрослых и сельских библиотек оценят важность этого исследования, что цели и задачи, кото-

рые мы преследуем в ходе работы, привлекут в наши ряды новых участников, с которыми мы с радостью готовы делиться тем, чему уже сами научились.

Нонна Васильевна Курова,
заведующая Сланцевской
центральной городской детской
библиотекой

**Наталья Владимировна
Буянова**, ведущий библиотекарь
Сланцевской центральной
городской детской библиотеки

Книга как семейная реликвия

В 2016–2017 году Сланцевская центральная городская детская библиотека приняла участие в совместном проекте Института русской литературы (Пушкинский дом, РАН) и Ленинградской областной детской библиотеки «**Антропология семейного чтения**». Участие предполагало сбор и предоставление материалов по составлению и изучению традиций семейного чтения, бытования книги в семье. В фокусе внимания Сланцевской библиотеки стало бытование книги как артефакта, взаимосвязи поколений через книги из домашней библиотеки, возникновения и функционирования книги как семейной реликвии.

До момента исследования многие из нас не задумывались и не знали, что у них в семье есть особенные книги. Книги, способные протянуть невидимую (или непроявленную) нить событий через несколько поколений одной семьи. Показать взаимосвязи разных судеб, мнений, чувств и эмоций. Хранить на страницах следы взглядов прабабушки или прадедушки, мамы или папы. Откуда берутся подобные реликвии? Как они становятся семейной ценностью? Почему не у всех хранятся подобные фолианты? Тема исследования оказалась невероятно интригующей и познавательной. Ведь порой самая обыкновенная книга может хранить в себе память нескольких поколений, становиться хранилищем удивительных и уникальных историй.

Для получения необходимых данных мы провели интервью с жителями города Сланцы 26 августа 2016 года во время проведения ежегодной акции открытия нового творческого сезона «Попутный книжный ветер», а также онлайн-опрос на сайте Сланцевской центральной городской библиотеки. Возраст опрашиваемых – от 10 до 85 лет. Всего приняло участие 63 человека, среди них 15 человек, у которых не оказалось книг-реликвий. В основном это женщины пенсионного возраста.

Хочется отметить, что вопросы, на которые отвечали опрашиваемые, были предложены в двух вариантах. В первом случае – на улицах города жители отвечали на два вопроса: **Какая книга в вашем доме самая ценная? И является ли она реликвией?** Всего приняло участие 22 женщины и 16 мужчин. Ответы оказались немногословными из-за нехватки времени для общения, нежелания идти на контакт, но порой неожиданными и интересными. Например, мужчина 53 лет ответил, что самая ценная книга – это книга по ремонту машины, потому что она очень полезная. В целом, са-

мой популярной и ценной книгой стала Библия. О ней упомянули 9 респондентов:

«Библия, купила ее сама», [ж. 81 год];

«Библия 1896 года. Передалась от бабушки», [ж. 73 года];

«Библия. Близкие учили нас читать по Библии», [ж. 60 лет];

«Библия 1901–1902 годов, на старославянском. Тетя подарила, а ей ее мама передала по наследству», [ж. 44 года, м. 46 лет];

«Библия, по наследству» [19 лет];

«Библия, передается уже два поколения», [ж. 60 лет];

«Библия 1897 года, досталась в наследство от дедушки», [м. 61 год].

Кроме Библии, дважды упоминались новеллы О. Гюгено, произведения А.С. Пушкина, А.П. Чехова, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова.

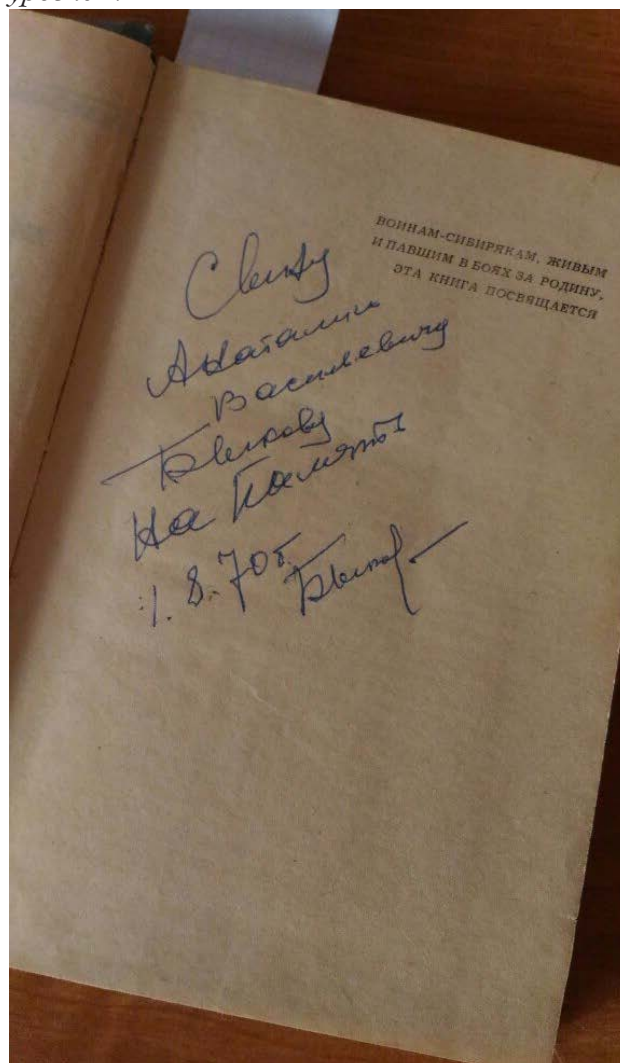
Палитра ценных книг в семьях жителей города достаточно разнообразна: от русской и зарубежной классики до современных авторов, таких как Н. Щерба и Л. Рубальская. Также список дополнили «Динка прощается с детством» В. Осеевой, произведения С.А. Есенина, Н.М. Карамзина, М. Горького, Ильфа и Петрова, детективы Агаты Кристи. «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Пограничная река» А. Каменского, «Один на миллион» А. Земляного, «Поющее сердце» И. Ильина, «В лесах и на горах» П.И. Мельникова-Печерского.

Участники опроса акцентировали внимание на том, что «детские книги – самые ценные» [м. 30 лет]. Утрата книг воспринимается как большая потеря: «У меня были очень ценные книги, пока не сгорели. Была книжка, которую мне подарила бабушка, я ее прятала от брата», [ж. 32 года].

Вторая часть исследования также состояла из интервью: был составлен вопросник, включающий 26 вопросов. Этот вопросник уже не был простой анкетой, он предполагал развернутые суждения наших информантов о книгах-реликвиях. К сожалению, людей, ответивших на заданные вопросы, оказалось не так много. Всего 10 человек, все женщины от 19 до 60 лет. На все вопросы анкеты ответил только один респондент. Но тем не менее ответы получились намного более полными. Респонденты не спешили и спокойно писали о семейных традициях, о связи поколений и трепетном отношении к предкам. Вот, например, какие книги были названы и как были развернуты «книжные истории»:

«Место назначения – фронт» [ж. 19 лет], переданная дедом.

«Эта книга включается в себя воспоминания прадеда. Книга передавалась по материнской линии, содержит трогательную подпись “Моему сыну, Анатолию, на память”. Так она смогла стать “хранителем памяти семьи”. Свое отношение к такой почетной обязанности девушка выразила так: “У книги есть судьба, еще одна история, помимо написанной. Однако книга молчит. И ты способен только меланхолично воспринимать ее прошлое где-то на сверхчувственном уровне”».

«Место назначения – фронт»

Первый том сочинений А.С. Пушкина 1903 года издания в старинном кожаном переплете [ж. 59 лет], привезенный из Нов-

А.С. Пушкин. 1903 год издания

городской области вместе с иконой Иисуса Христа.

Эта книга перешла к респонденту от бабушки по материнской линии. У этой книги была трудная судьба, ее пытались украсть и продать в книжном магазине в букинистическом отделе, но ее «поймали» и вернули законным владельцам.

Книги И. Гринберг «Олин фартук» (издательство Детгиз, 1954 г.) и З. Топелиуса «Сказки» (1955 г.) [ж. 45 лет]. Это книги детства, которые украшены самодельными заголовками, сделанными респондентом и ставшими неразрывным символом первого читательского опыта, сближением семьи за совместным вечерним чтением.

Сказки

«Записки охотника» И.С. Тургенева, подаренные за хорошую учебу, в начале 1950-х, маме респондента [ж. 57 лет].

Эта книга помогла респонденту не только освоить школьную программу, но и понять красоту литературного языка произведения

И.С. Тургенева. Отношение к роли хранителя книги реликвии: *«Традиция хранения реликвий бесценна. Она дает людям чувство связи с прошлым и будущим. Без памяти люди духовно мертвы».*

«Кулинария» 1955 года издания, получена по материнской линии [ж. 52 года].

Кулинария. 1955 год

Эта книга стала для респондента учебником высокой кулинарии и оформления блюд, а также возможностью для проведения увлекательного досуга с подругами. В ней привлекало оформление старинных банкетных блюд как своеобразных произведений поварского искусства, когда поросята или осетры превращались в декоративные фигурки в орнаменте из оливок, кусочков лимона и морковки.

В нашей семье хранится как реликвия книга «Кулинария» 1955 года. Мне она досталась от бабушки. Она была значима для меня в моем детстве, я часто ее рассматривала.

Приведем развернутый фрагмент интервью, чтобы продемонстрировать, как рассказчик конструирует в своем интервью статус

характеризуемой книги, как выуживает из памяти мельчайшие детали бытования книги в семье:

– Как она [книга] появилась у вас в доме?

«Эта книга была приобретена моей двоюродной бабушкой Нюрой с важной целью – научиться готовить специальные, особенно питательные блюда для моей бабушки Оли, которая страдала после войны, оккупации и жизни в землянке туберкулезом в открытой форме. Научиться готовить по этой книге не сразу удалось, так как все рецепты были в граммах, весов в доме тогда не было и купить их в деревенской глуши было невозможно. Помогло приобретение безмена. Но постепенно все наладилось, и болезнь отступила. Бабушка выздоровела и прожила долгую жизнь, возможно, в чем-то и благодаря этой книге».

– Кому вы ее показывали раньше?

Я показывала книги подругам в детстве и юности, чтобы они тоже могли полюбоваться красивыми иллюстрациями. Это было время, когда с продуктами было худо, и они грустно смотрели на роскошные торты, многоэтажные сооружения из заливного и аппетитных куропаток, украшенных белоснежными папильотками...

– О чем она Вам напоминает еще?

Она забавная и уютная, как воспоминание о детстве. В ней было столько интересных мастер-классов по украшению блюд, которые я хотела, но не могла осуществить! Георгины из репы и розы из свеклы, корзинки из карамели и изящно вырезанные, как старинные кружева, салфетки с кружевным узором...

– Какие интересные истории у вас в семье связаны с этой книгой?

Трагикомические истории о моих самонадеянных попытках что-то не просто по ней приготовить, но и украсить, как надо. Увы, без специального оборудования и навыков (специальных ножей, кулинарного мешка с насадками и т.п.) это редко получалось. Да и продуктов многих тогда не было, а сырокопченые колбасы или свежемороженые дыни с иллюстрацией этой «Кулинарии» воспринимались либо как мечта, либо как издевательство...

Мы видим, как разговор о книге становится поводом вспомнить семейную историю, поговорить о родных, которые уже ушли, но память о которых хранится, в том числе и благодаря книгам, оставшимся в доме. В неспешном разговоре информант как бы воскрешает спустя

десятилетия те чувства и эмоции, которые он испытывал когда-то, знакомясь с этой книгой. В этом переживании не только информация о том, какие книги отзываются до сих пор в памяти читателя, но и читательская рефлексия, которой информант делится с исследователем, библиотекарем, а значит, между ними устанавливаются более тонкие и доверительные отношения.

Еще один пример:

«Азбука» с картинками Елизаветы Бем, [ж. 44 года]. Эту книгу во время оккупации в г. Барнауле не обменяли на продукты и оставили в семье, потому что Азбука ассоциировалась с детством и счастьем. Так книга дала урок выдержки и стойкости в трудные времена, урок стойкости и гордости, умения отделить главное от второстепенного.

– Как она появилась у вас в доме?

Азбука принадлежала семье прабабушки. Ее старшему брату дарил крестный еще до революции, году в 13–14-м.

– Терялась ли она? Находили ли ее вновь?

Не терялась, но долго лежала в старом чемодане позабытая. Только в середине 70-х ее отыскали, чтобы я начала изучать буквы.

– Если вы переезжали, то принимали какие-то особые меры, чтобы ее сохранить и не повредить в дороге (например, упаковали отдельно, особенно тщательно)?

Переездов было много. Азбуку специально не сохраняли, но она как-то уцелела. Как привязанная переезжала с Алтая в Горький после войны, а потом и в Ленинград.

– Если эта книга традиционно передается в вашей семье по наследству, то от кого она к вам перешла?

Ее мне передала мама, а ей ее мама, а ей, соответственно, ее мать... По женской линии переходит... Хотя первым владельцем был мальчик Витя, брат прабабушки.

– Вам эта книга нравится?

Она для меня как рождественская открытка. Символ чужого далекого идеального детства, не похожего на мое.

– Как она выглядит? Есть ли у нее какие-то особые приметы (записи, сделанные вашими предками, вложенные в нее предметы, пятна, следы, появившиеся при каких-то исключительных обстоятельствах)?

На картонной обложке детским почерком написано «живете». Это рука брата прабабушки Виктора.

– Как вы думаете, что дает людям эта традиция хранения книг-реликвий? А, может быть, эта традиция что-то у них отнимает?

Это как окошечко в прошлое... Заглянул, а там девочка с гребенкой в волосах и гимназическом платье водит пальчиком по строчкам... Там гордая голодная женщина отвечает спекулянтке: «Мои дети кукурузу не любят, спасибо за предложение. Книжка нам самим нужна». Там я, сидя на подоконнике, срисовываю картинки из этой азбуки... Традиция и дает, и отнимает.. Отнимает возможность все это забыть. И дает возможность как на машине времени попасть в прошлое. Банально».

При всей банальности, как кажется нашей рассказчице, ее рассуждений в них явственно видна основная функция книги-реликвии – поддерживать связь поколений. И не только поколений, но и отдельных представителей семьи (как в этом случае, например, брат прабабушки Виктор), память о котором, может, жива как раз потому, что осталась надпись, сделанная его рукой в книге.

По результатам нашего исследования можно сделать вывод, что у многих есть дома книги-реликвии. Книги, которые каждому дороги по-своему, имеют для каждого

какую-то особую ценность. Что же это за книги? Попробуем систематизировать. Это:

«Старые» книги-реликвии, часть истории семьи, которые хранятся в семье 2–3 поколения минимум.

«Новые» книги-реликвии, которые читали в детстве и читают сейчас.

«Существующие в проекте» книги, которые собираются приобретать в будущем для своих детей и внуков, чтобы оставить им на память.

Если судьба последних еще неясна, то статус старых и новых книг-реликвий очень высок. Заметим, что книги-реликвии, несущие в себе культурно-историческую ценность, то есть редкие и ценные старинные книги, в ответах наших горожан встречаются редко. И это неудивительно, учитывая, что в одном из самых молодых городов Ленинградской области, не разменявшем еще и сотни лет, пережившем оккупацию, старинных семей со своей историей и традициями немного, а старинных вещей еще меньше. Но тем не менее у многих есть книги, пусть не старинные, но такие, вокруг которых выстраивается семейная память и семейная история. Ну а умение работать с этой информацией в библиотечной практике – тема для другой статьи.

Татьяна Ивановна Андрианова,
заведующая Бокситогорской
центральной детской библиотекой

История одной читающей семьи г. Бокситогорска

Бокситогорская центральная детская библиотека влилась в проект «Антропология семейного чтения» только весной 2017 года. Интерес к проекту возник у коллектива после посещения межрегиональной научно-практической конференции ЛОДБ «Антропология семейного чтения» 25–27 октября 2016 года.

Совершенно очевидно, что современная библиотека – это живой, постоянно развивающийся организм, и поэтому перед библиотекарями встают новые задачи: в частности, изучение читателя новыми методами, отвечающими современным представлениям о чтении. Конечно, были сомнения, – у коллектива недостаточно опыта, профессиональной компетентности в антропологических методах сбора материала. Мы опасались, что присутствие наблюдателя вызовет изменения в поведении людей; причиной может стать их стеснительность, волнение, стремление выглядеть «правильнее», чтобы «понравиться библиотекарю». Учитывая возможные «помехи», тем не менее хотим поделиться нашими материалами, которые нам удалось собрать в ходе интервьюирования одной бокситогорской семьи.

На примере читательской истории только одной бокситогорской семьи мы смогли очень многое узнать о современной культуре книги и чтения, о читательских традициях и книжных предпочтениях семьи.

Наш главный респондент – Людмила Ивановна (64 года), её дочери Наталья Владимировна (43 года) и Анна Владимировна (33 года). Следующее поколение представляют дети старшей дочери Натальи Владимировны: Анастасия (22 года) и Елизавета (17 лет), и их кузен, сын младшей дочери Анны Владимировны, – Кирилл (13 лет). Таким образом, опрошено 6 человек в возрасте от 13 до 64 лет.

Мужская линия первого поколения данной семьи, о которой мы рассказываем, обосновалась в городе в начале 1950-х годов, а первая представительница по женской линии являлась коренной жительницей. Начинается наш разговор о чтении с вопросов, позволяющих узнать, является ли семья коренной, когда она образовалась, кто стоит у истоков книжной семейной культуры:

Мой папа, Иван Иванович, 1929 года рождения, родился в Полоцкой области Белоруссии. Во время ВОВ мальчишкой попал в партизанский отряд и был в нем всю войну. После ВОВ был направлен в школу ФЗО Ленинградской области, Волховский район. После окончания школы ФЗО был направлен на работу в город Бокситогорск Ленинградской области на вновь строящийся Бокситогорский глиноземный завод в ремонтно-строительный цех столяром-плотником. Где и проработал до выхода на пенсию. Моя мама Елизавета Ивановна, 1933 года рождения. Родилась в деревне Крутик (ныне

город Бокситогорск) Бокситогорского района Ленинградской области. После окончания школы №1 работала на Бокситогорском глиноземном заводе. А затем устроилась на работу в цех пропласта вновь строящего Бокситогорского биохимического завода. И проработала там до ухода на пенсию.

Далее дочери рассказывают о семейной библиотеке, о том, как они помнят ее и ее роль для семейной истории:

Семья жила в своём доме, имела большую библиотеку, которую очень ценили и берегли. Бережное отношение к книгам – отличительная черта всех членов этой семьи. В данной библиотеке было много книг с дарственными надписями по случаю дня рождения, удачного окончания учебного года и активного участия в жизни школы. (К сожалению, при пожаре большая часть книг была уничтожена.)

В нашей семье была большая библиотека. Родители подписывались на произведения классиков (Толстой, Чехов, Пушкин). Так же на советских писателей (А. Гайдар, Б. Полевой), зарубежных писателей (М. Твен, К. Дойл) сказки, книги о животных. Кроме подписки, книги родители покупали в книжном магазине. В настоящее время большая часть книг сгорела при пожаре в доме.

Показательно, что если одна дочь характеризует библиотеку с точки зрения ее коммуникативной ценности для семьи (дарственные надписи), то для другой важнее состав библиотеки, наличие в ней статусных с её точки зрения книг. То есть в интервью второй дочери важнее показать, что библиотека – это свидетельство социального статуса семьи, ее социального капитала. А в первом случае важнее роль библиотеки как способа общения между родственниками.

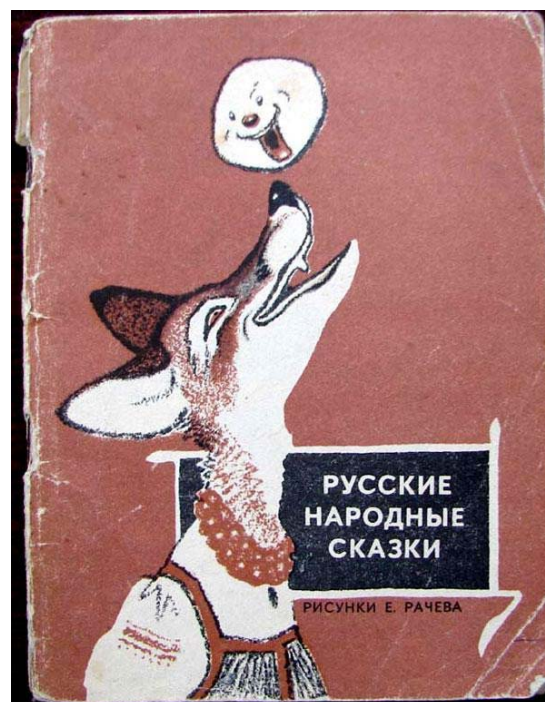
Затем информанты характеризуют старших родственников в их отношении к книгам и чтению:

В основном в этой семье читал отец. Круг чтения составляла военная литература.

Папа читал в основном военные книги и потом делился впечатлениями о них. Он сравнивал с тем, что было на самом деле в его жизни, когда он был в партизанском отряде.

Воспоминания об отце – это воспоминания о читающем человеке, это снова знак того, что чтению в семье придается высокий статус, за счет этого конструируется и статус главы семьи, его авторитет.

Информанты много говорили о том, как формировались и развивались традиции общего семейного чтения. Чтение на ночь было

Книга-реликвия. сказки с рисунками Е. Рачева

традицией в этой семье. Маленькой Люде читали книги и отец, и мать. Мать читала ей много русских народных сказок. Особенно ей запомнился сборник сказок с рисунками Рачёва, по которому мама научила дочь читать. Именно по этой книге научились читать дочери Людмилы Ивановны и её внучки. Эта книга на сегодняшний день хранится в семье старшей дочери:

По вечерам мы очень часто собирались вместе и обсуждали прочитанное, а интересные сюжеты зачитывали вслух.

В детстве мне мама читала сказки на ночь. Это были добрые русские народные сказки. Иногда она сама сочиняла сказку.

Интересны данные и о происхождении семейной библиотеки. Семья Людмилы Ивановны поначалу жила вместе с родителями. В доме родителей была большая библиотека, которую пополняли и молодожёны. До сих пор в семейной библиотеке сохранились энциклопедии по медицине, книги классиков и книги о городе Бокситогорске С.В. Кисловского (1960 г.) и М.А. Калинина (1969 г.). Библиотека формировалась вместе с тем, как формировался круг чтения. В него входили произведения современных (на тот момент, в 1970-е годы) авторов (Распутин, Абрамов, Марков, Проскурин).

В 1974 году родилась старшая дочь Наталья. Воспитанием Натальи занималась Елизавета Ивановна, мать Людмилы Ивановны. Наталья вспо-

минает, как вечерами бабушка Лиза затапливала печь, включала настольную лампу, и они вместе с ней, кутаясь в старенький плед, рассматривали картинки в детских книжках. Бабушка читала девочке стихи и сказки Барто, Чуковского, Маршака, Михалкова, Ладонщикова, Воронковой. Именно бабушка впервые привела Наташу в Бокситогорскую детскую библиотеку.

Помню, (мне было примерно 4–5 лет) как она меня привела в детскую библиотеку и мне понравилась книга, которая была на выставке. Это были стихи С. Михалкова «О тех, кто лает». Так как я мечтала о собаке, то эта книга и побудила меня к чтению.

В 1980 году молодая семья получила свою квартиру, и часть книг из родительского дома увезла с собой. В 1984 году родилась младшая дочь Анна. Анна вспоминает, о том, как ей с раннего детства старшая сестра и бабушка прививали любовь к чтению.

Но, помню, когда я еще не умела читать, мне и бабушке Лизе очень часто читала сказки сестра Наталья, а потом мы вместе инсценировали их и показывали родителям наше творчество. Было весело.

В этой семье читать детей научила бабушка Елизавета Ивановна по сборнику русских народных сказок. Именно по женской линии ещё от Елизаветы Ивановны передаётся из поколения в поколение прекрасная семейная традиция чтения на ночь. Внуки вспоминают, как им каждый день обязательно читали перед сном. Сказки, стихи, рассказы о животных:

Шкаф, сделанный своими руками

Больше всего любовь к чтению мне прививали моя бабушка и моя мама /Наталья/.

Бабушкины рассказы и сказки, которые мне читали в детстве, — забываемы /Анна/.

Кроме того, в семье есть читательская традиция рассказывать о затронувших душу книгах младшему поколению и вместе читать и обсуждать эти книги:

Совсем недавно с младшей дочерью мы читали и обсуждали книгу «Великий Гэтсби» Фицджеральда. Это роман о реальной жизни. История о человеке, у которого, казалось бы, много денег, и все есть. Но богатство не может заменить ему простого человеческого счастья. Нас заинтересовал сюжет этого романа, и мы решили еще посмотреть и фильм. И сделали для себя вывод — книга лучше!

Сохраняется традиция и в общении с младшими членами семьи:

Недавно вместе с мамой мы читали книгу А. Жвалевского и Е. Пастернак «Время всегда хорошее». Я был под большим впечатлением после прочтения, мне очень понравилось. Я спрашивал маму о советском времени, как они жили без телефонов и гаджетов? На помощь маме пришла бабушка Люда, она рассказывала про пионеров, октябрят, про очереди в магазинах.

В семье Натальи Владимировны мы столкнулись с следующей ситуацией: когда у младшей дочери возникло желание прочитать нашумевшую книгу Стейс Крамер «50 дней до моего самоубийства», а мать предложила девочке прочитать её вместе.

Как педагог я опасалась, что дочь неправильно воспримет сюжет этой книги. Зная, как много на сегодняшний день происходит трагедий с молодыми людьми, отслеживая информацию о различных группах в социальных сетях, мне хотелось поговорить с дочерью об этом на примере этого произведения.

Анализируя то, как сохраняются традиции чтения в этой семье, приходишь к выводу, что на всех уровнях книги связывают семью в неразрывное целое. Начиная от памяти о библиотеке и ее использовании (хранение книг, раздел книг при разезде) до повседневных практик чтения (обучение чтению, чтение на ночь и пр.). Эти практики способствуют не только передаче читательского и личного опыта от взрослых к детям, что закономерно, но и передаче снизу вверх: от читающих детей к родителям. Такая двунаправленная читательская связь, на наш взгляд, — залог сохранения читательских традиций, да и человеческих отношений в современной семье.